

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Я тоже был на той войне

Жил я на Украине, у дедушки с бабушкой в селе Овечаче (ныне Дружное) Винницкой области. Учился в школе. Мне шел десятый год, когда фашисты напали на Советский Союз. Как и взрослые, я изначально был твердо уверен, что Красная Армия быстро разобьет немцев и прогонит их за пределы страны. Но в середине июля 1941 года суровая реальность перечеркнула надежды на быструю победу. Необъяснимо, непредвиденно быстро части Красной Армии отступали. Усталые и пропыленные воинские части закрепились в селе и затем неожиданно оставили боевые позиции. Может, в окружение попали?

Мы, советские люди, не понимали, откуда у фашистов такая сила? Думали, что нашей стране противостоит в войне одна Германия. Оказалось, не так. На войну с нами, с Советским Союзом, была мобилизована экономика и ресурсы почти всей Европы с населением более 400 миллионов человек.

Наше село немцы бомбили много раз. Прятались мы с дедушкой и бабушкой в подполе. Выжили. Детские воспоминания, к сожалению, отрывочны. К июлю фронт быстро прокатился через нас на восток. Хорошо помню поразившие меня развалины Винницы. Немцы захватили склады с продовольствием, вооружением. В плену оказалась многие наши части. Была захвачена врагом огромная территория, где были расположены предприятия оборонной промышленности, которые не успели эвакуировать на восток. Спустя годы ко мне пришло осознание того факта, что эвакуация промышленности и населения 1941 года — это особая героическая страница в истории нашего народа: проверка на прочность организации страны советского типа.

Винница была захвачена немцами 19 июля, а наше село через три дня. В село пригнали до 1,5 тысяч пленных красноармейцев. Лагерь для них был организован за селом в чистом поле, обнесен колючей проволокой. Женщины и мы с ребятами сразу понесли красноармейцам продукты, воду. Голодных, полураздетых, разутых пленных продержали у нас около десяти дней, а потом погнали дальше.

Особый контроль и жестокость фашистского режима, выпавшие на долю

местного населения и нашу, усилились с началом строительства в 1941/42 годах на окраине Винницы, между селами Стрижавка и Коло-Михайловка, ставки Гитлера на Восточном фронте под названием «Вервольф»¹. Среди местного населения, в качестве прикрытия, распространялись слухи, что там находится санаторий для лечения раненых немецких солдат и офицеров.

Самые тяжелые земельные работы выполняли советские военнопленные. Почти все они погибли от голода, холода и болезней. Ослабших расстреливали на месте. У села Стрижавка есть две могилы, в которых покоятся несколько тысяч советских военнопленных — строителей «Вервольфа». Документально подтверждено, что в «Вервольфе» Гитлер жил и работал в течение почти 4,5 месяцев.

В дни пребывания Гитлера и его окружения в ставке и в городе весь местный аппарат слежки и насилия: гестапо, жандармерия, полиция, айнзац-команды, зондер-команды, а также армейские разведывательные и даже строевые части переходили на жесткий режим патрулирования в пределах 50-ти и 100 километровых зон охраны ставки.

В фашистской оккупации наше село находилось 30 месяцев, город Винница — 32 месяца. За это время фашисты и их украинские прихвостни, уничтожили только в Виннице более 40 тысяч жителей. В нашем селе погибло более 30 человек. Даже мне, мальчишке, досталось. Следы так называемых «25 шомполов» остались на всю жизнь. Били, правда, не шомполами, а кожаной нагайкой.

«Новый порядок» на оккупированных территориях фашисты устанавливали, начиная с тотальной проверки жителей на лояльность к оккупационной власти.

Подобные проверки с облавами устраивались неожиданно, часто среди ночи. Не было случая, чтобы кого-нибудь из жителей села не забрали. Двое задержанных родственников моего дедушки были расстреляны. Вместе с тем сопротивление населения фашизму становилось организованней, борьба набирала силу. Уже в конце 1941 г. в селах и городах Винницкой области действовало 96 подпольных групп общей численностью

1680 человек. Руководимое Д. Бурченко партизанское объединение в период оккупации уничтожило около тысячи фашистов, было пушено под откос 17 поездов, взорвано 6 железнодорожных и 25 автомобильных мостов.

С наступлением наших войск, в течение двух месяцев в конце 1943 — начале 1944 годов, село вновь попало в зону боевых действий. Передовая линия фронта проходила в 1,5–2,5 км от дома моего деда Филиппа. В нашем дворе (в доме, саду и на огороде) на окраине села Овечаче в октябре–ноябре размещалась команда немецкой артиллерийской батареи, а после освобождения села с конца декабря 1943 до конца февраля 1944 годов стояла, сначала наша полевая санчасть, а затем продчасть с продовольственным складом, бойней и полевой кухней. Мы с дедом ежедневно помогали красноармейцам санчастью обеспечивать ее колодезной водой (колодец был в 150 м.) и дровами из леса. Почти два месяца, в утреннюю и вечернюю темень, мы выступали проводниками санных подвод, доставлявших горячую пищу и продпайки на передовую, к окопам первой линии. Чаше других я ездил с бойцами Зайцевым и Сеитовым. Командовал продчастью капитан Варганов, а в продскладе начальником был старшина по фамилии Макарон. Разносили горячую пищу (в утепленных канистрах, флягах и вешмешках), как правило, новобранцы, еще необстрелянные ребята и девушки. Гибли они. Гибли ездовые. Нам с дедом также доставалось. Не раз над нашими головами свистели пули, рядом взрывались выпущенные из миномета мины. Под гаубичный обстрел даже попадали.

Нам с дедом Филиппом сильно повезло, что остались живы. За 2,5 месяца фронтовой жизни дед был дважды ранен и сильно контужен, а я получил пулю в руку и два десятка мелких осколков. Все это время спали мы с дедом в дупле сенового сарая, в погребе или в глубоких (2,5 м) щелях, выкопанных дедом за домом, и в саду. Питались мы с ним, по приказу капитана Варганова, вместе с бойцами. Иногда мыслы в развёртываемой у речки брезентовой полевой бане. Там же прожаривали от вшей (в передвижных дезкамерах) всю свою одежду. В шинели, которую подарил мне старшина Макарон, я проходил до конца войны. Затем в ней же за-

кончил учебу в школе, техникуме и в 1955 году, в институте.

Я помню много трагических, горестных событий из жизни в оккупации, но помню и радостные дни освобождения осенью и зимой 1943–44 годов. Благодаря Всевышнему и людям за моё долголетие, за то, что дожил до 70-летия Великой Победы. За что мне досталась такая высокая награда, ценою в долгую жизнь? С горечью думаю о том, что не только до 70-летия Великой Победы, но и более ранних её юбилеев не дожили многие бойцы и офицеры: в том числе и мой отец Ефрем Сергеевич Юкиш, командир роты, защищавшей Ленинград; мой дядя Яков Филиппович Гуцало, танкист, тяжело раненный под Житомиром; другой дядя, потерявший ногу в битве за Москву, и многие другие мои родные и близкие участники Великой Отечественной войны. Живущие поколения обязаны помнить и быть достойными великого подвига своих героических предков.

Мне 83 года. Работал на освоении Целинных и залежных земель. В 1968 г. переведён в Москву. Крайне обеспокоен развитием нынешних событий на Украине. В 1941–50 гг. украинские националисты убивали людей за «не ту» национальную принадлежность, за преданность советской власти. Их идейные потомки взяли за старое, за геноцид. Думаю, участь их, в конечном итоге, будет аналогичной участи солдат гитлеровского «рейха».

Александр Юкиш

«Пока вы разговариваете, дети войны умирают»

20 апреля комиссия Мосгордумы по социальной политике и трудовым отношениям решила не поддерживать законопроект фракции КПРФ «О детях войны».

Пресс-служба фракции КПРФ в Мосгордуме

Представляя проект, его редактор, руководитель фракции КПРФ Андрей Клычков сообщил, что коммунисты провели детальное обсуждение законопроекта с ветеранскими организациями и собрали 27 тысяч подписей в его поддержку.

«В 20 субъектах, в том числе в Санкт-Петербурге, подобные региональные законы уже приняты. Эта категория граждан также получает поддержку в Крыму и на Украине», — подчеркнул Андрей Клычков и констатировал, что Москва имеет достаточно финансовых ресурсов, чтобы поддержать этих людей.

Заместитель председателя Мосгордумы коммунист Нико-

лай Губенко, который сам относится к этой категории граждан, зачитал коллегам несколько отрывков из дневников детей войны — откровенных и трагических.

«Я родился в катакомбах 17 августа 1941 года во время бомбежки», — рассказал свою историю депутат. — В 1945 году после окончания войны нас осталось 19 миллионов — осиротевших и полусиротевших детей. Государство под названием СССР нас одело, накормило, дало образование, дало профессии. Неужели сегодня у богатейшей Москвы нет моральной основы для того, чтобы эти считанные 748 рублей плюс по 500 на погибшего родителя дать тем, кто встретился с такого рода несчастьем в жизни?»

«Давайте поддержим закон в первом чтении, а потом его доработаем. Давайте накануне

70-летия Победы дадим людям этот статус, пусть они почувствуют, что о них помнят», — призвал Николай Губенко.

К сожалению, представители департамента соцзащиты и депутаты других фракций призыву не вняли. По мнению первого замруководителя департамента соцзащиты Ольги Грачевой, законопроект приведет к «удвоенному мер социальной поддержки и вызовет неравенство». По словам председателя комиссии Михаила Антонцева, в Москве и так все пенсионеры получают материальную поддержку.

«Я обсудил этот вопрос с ветеранами районов Москворечье-Сабурово и Царицыно. И первый наш разговор на эту тему начался с того, что мне сказали: «Что вы делаете, почему вы не хотите нас, детей войны, поддержать?» А после того как я с ними проговорил, ветеранские организации в полном составе мне дали поручение: «Михаил Иванович, сделай все от тебя зависи-

щее, чтобы сейчас вот эту воспламеняющуюся массу не вбрасывать». Потому что, когда больше миллиона людей будут надеяться и не получат ничего, да еще и скажут, что вы там в преддверии 75-летия нас обманули... 70-летия», — поправил депутат и добавил, что «абсолютное большинство детей войны уже и умерли».

«Пока вы разговариваете, они умирают», — констатировал Андрей Клычков и назвал подобного рода обсуждение «аморальным».

В итоге комиссия приняла решение не рекомендовать Мосгордуме выносить законопроект на обсуждение 29 апреля. За такое решение проголосовали депутаты Михаил Антонцев («Единая Россия»), Алексей Мишин («Моя Москва»), Татьяна Батышева («Единая Россия»), Лариса Картавец («Моя Москва»).

Тем не менее, фракция КПРФ будет добиваться вынесения законопроекта на рассмотрение Мосгордумы 29 апреля.

Напомним, московские коммунисты больше трёх лет добиваются принятия закона о детях войны. В феврале 2012 года он был принят в первом чтении, но затем отклонён. После этого фракция неоднократно поднимала этот вопрос на заседании Мосгордумы, а 16 июля 2014 года коммунисты внесли обновлённый проект закона.

В законопроекте предлагается выделить в отдельную категорию «дети войны» всех граждан, родившихся с 1 января 1928 года по 3 сентября 1945. Сюда попадают москвичи, которым на начало войны не исполнилось 14 лет, а также граждане, родившиеся в период войны. Для этих людей предлагается установить ежемесячную денежную выплату в 748 рублей и дополнительно 500 рублей за каждого родителя, погибшего в годы войны. Помимо денежных выплат предусматриваются льготы на лечение и проезд в общественном транспорте.